

Клим всякий раз радовался, когда приезжал сюда. Ему нравился этот удивительный, странноватый дом необычной планировки: с разными уровнями крыш и разной этажностью корпусов, словно перетекающих один в другой, создавая квадрат с двумя арками противоположных въездов, в так называемом тихом центре Москвы — памятник архитектуры, ну не самой древней — всего лишь начало двадцатого века, — но бесспорно памятник. Нравилось, как качественно и профессионально отреставрировали это здание, и особо радовал его уютный, закрытый со всех сторон от шума и суеты огромного города охраняемый двор.

В любое время суток машины в этом дворе практически не парковались, единицы — и то в основном днем, а потому что жили в этом непрестом домике люди сплошь сознательные и ставили свои любимые авто в ближайшем подземном гараже, чтобы не создавать друг другу неудобства и не загораживать обзор на красивый двор и маленький

зеленый скверик в центре него. Бывает и так в наше время, уж поверьте.

А посторонние въехать и поставить машину во дворе не имели возможности, в связи с серьезной охраной территории, которую не забывали проверять и поддерживать на добровольных, так сказать, началах особо бдительные жильцы, в ряды которых входили в основном боевые въедливые старушки из числа жен бывших номенклатурных работников высшего звена.

Клим хоть и являлся по сути посторонним и в данном жилищном анклаве не проживал, мало того, не проживал здесь никто и из числа его родственников, но и совсем уж в чужих тоже не числился, по той простой причине, что имел индивидуальный пропуск на въезд, дававший право в любое время дня и ночи заезжать в эту благодать центральную и оставлять здесь свою машину.

А вот потому что надо иметь хорошие знакомства даже в таких исторических местах. Правильнее, наверное, сказать: особенно в таких местах. Клим, например, таковых знакомых имел — замечательную женщину, талантливого дизайнера Алину Глаумову, с которой они вот уже несколько лет успешно сотрудничают. Ну а поскольку приходилось частенько «заседать» по рабочим вопросам у нее дома, Алина и снабдила Клима заветным пропуском на закрытую

территорию памятника культуры и архитектурного искусства.

Вот и сейчас, медленно проезжая к нужному подъезду, он с удовольствием отмечал тишину двора, отрезанного от шума центра закрытой планировкой здания, смотрел на зеленый остров скверика, женщин с колясками и без, сидевших на лавочках, играющих детишек, и эта картинка, как бывало всякий раз, когда он приезжал сюда, настраивала на спокойствие и неспешность.

Наверное, благодаря этому, каждый раз возникающему здесь состоянию умиротворения и мимолетной душевной приятности посреди загруженного делами, встречами и решениями напряженного рабочего дня Клим и обратил особое внимание на девушку, идущую по тротуару как раз мимо того места, где собрался припарковать машину.

Походка ее была легкой, стремительной и при этом какой-то веселой, что ли, — без напряжения в теле, в движениях. Длинная, широкая шелковая юбка, закрывавшая даже щиколотки, при каждом шаге девушки струилась и закручивалась вокруг стройных ножек, очерчивая умопомрачительной красоты и формы попку, обозреть которую тактично не мешала короткая, до талии курточка, по середине которой протекала густая темно-руссая коса, заканчивавшаяся вот как раз у начала умопомрачительных ягодичек и раскачивавшая-

ся над ними из стороны в сторону при движении хозяйки.

Клим даже притормозил, залюбовавшись этим видением. Ему очень импонировала новая мода на длинные юбки и платья. Казалось, что в них женщины становятся иными, барышнями — загадочными, утонченными, гораздо более недоступными, у них даже походка меняется, появляется плавность движений, манер, а эта милая необходимость так элегантно приподнимать ручкой подол при ходьбе по ступенькам — и уже совсем как-то по-иному ты к ней, а она к тебе. В мужчине просыпается гораздо больше охотничьих инстинктов и фантазий — ножек не видно, и приходится додумывать, какие они там. И обращать более пристальное внимание на девичьи щиколотки, почти позабытые современными мужчинами из-за слишком щедрой женской телесной открытости, и становится понятно, почему их красоту так воспевал «наше все» — Пушкин.

Клим вдруг отметил, что девушка поворачивает именно к тому подъезду, в который он направлялся, и подумал: может, догнать? Ведь интересно же! Тыл девушки оценил по самому высокому разряду, любопытно же, что там с фасадом. Но ей уже ответили по домофону, и, открыв двери, девушка скрылась в подъезде. А Клим быстро прикинул: припарковаться, выйти из машины, дойти до подъезда, не-а, не успеет — лифты

в этом доме, невзирая на его приличный возраст, вполне современные и ездят быстро и исправно.

Не успеет. А бежать, торопиться — это вообще история не про него. Клим с младенчества не суетился и не производил лишних, ненужных, торопыжно-суетных телодвижений, если не требовали особые обстоятельства. Спокойный, уверенный в себе, выверявший свои решения, он все делал неспешно, вдумчиво, но споро — «с толком и расстановкой», как говаривала его бабушка.

Ну вот бежать за девушкой и не станет, думал Клим, входя в подъезд и вызывая лифт. И все же небольшое недовольство таким решением оставалось. А потому, что все стояла перед его мысленным взором эта прямая спинка, заканчивающаяся высокой кругленькой попкой и весело подпрыгивающий над ней кончик густой длинной девичьей косы.

Ну нет так нет, что ж теперь. На других девушек полюбуется — отпустил он мимолетное происшествие.

— Поленька! Привет, дорогая! — открыв дверь, обрадовалась ей Алина.

— Здравствуй, Алиночка! — Перешагнув порог, она попала в теплые объятия дизайнера.

Недолго пообнимавшись, Полина отстранилась, сняла с плеча и кинула на пуфик у столика свою сумку, привычно достала тапочки с рисун-

ком, стилизованным под гжель, которые Алина купила лично для нее, как, впрочем, покупала индивидуальные тапочки для каждого из своих постоянных гостей, скинула мокасины, переобулась и принялась быстро пояснять ситуацию:

— Потенциальный заказчик, с которым я должна была сегодня встречаться, перепутал что-то там со временем и перенес встречу на другой день, и я решила, что приду к тебе пораньше, а если ты занята, тихонько посижу, подожду... — но была остановлена восклицанием Алины.

— Польша, ты что за красотищу такую сотворила! — схватив сумку гостьи, рассматривала и восхищалась Алина. — Господи, какая обалденная работа! Потрясно!

Сумка и вправду удалась на диво — вместительная, скроенная таким образом, что две широкие ручки являлись одним общим полотном. Выполнена она была из грубой ткани, практически из дерюги, сверху которой находились ажурные кружева, вывязанные крючком. И это сочетание грубой ткани и нежных кружев яркой расцветки с плетением цветов, птиц, деревьев было неожиданно, но смотрелось просто потрясающе! И вызывало желание заворуженно рассматривать этот сказочный узор, подержать в руках и примерить на себя.

Что Алина тут же и сделала, повесив сумку на плечо и рассматривая себя в большое зерка-

ло прихожей. Сняла с плеча, отодвинула на вытянутые руки, покрутила так и эдак, посмотрела и восхитилась:

— Поинка! Ну какая это красота!! Каждый раз поражаюсь, ну как тебе такое удается, как ты это придумываешь? Просто чудо какое-то! Ты волшебница, вот признайся!

— Мне просто понадобилась новая большая сумка! — засмеялась Полина.

— Просто понадобилась... — поворчала, передразнив ее, Алина, осторожно укладывая сумку обратно на пуфик, не в силах сразу оторвать от нее взгляда и тяжело вздыхая, — и ты решила создать очередной шедевр!

— Мне она тоже нравится, — посмеивалась гостья.

— Просто нравится! — возмущенно всплеснула руками дизайнер. — Да выставочная вещь, произведение искусства, а ей просто нравится!

— Ну, она большая, я в ней карманы предусмотрела нужные, и в ней удобно вязанье носить, ну и украсила немножко! — пожалала плечиками, улыбаясь, Полина.

— Кошмар! Я с тобой с ума сойду! Украсила она немножко! Версаль! Эрмитаж! — театрально преувеличенно возмущалась хозяйка и, приобняв одной рукой гостью за плечи, еще разок тяжело вздохнула: — Вот все вы такие, творцы: надаете вещей чудесных и как ни в чем не бывало ими пользуетесь, словно это барахло какое

дешевое, а мы завидуем! Пошли, что ли, от расстройства чай пить?

— А ты у нас кто? — звонко рассмеялась Полина. — Тоже творец еще тот! Вон какую красотень делаешь, — девушка повела рукой, показывая на квартиру. — А потом в этом Версале с Эрмитажем и живешь, на зависть всем!

— Ладно, — усмехнулась хозяйка — Понарасхваливали друг друга в удовольствие и хватит. — И, не удержавшись, все ж таки добавила: — Но сумка классная! Шик! И заметь, я не прошу такую же, хотя страшно хочется, но ведь знаю, что тут же примешься стараться-расстараться, а ты мне сейчас для проекта позарез нужна. Ну что, чай-то будешь?

— Буду, — веселым колокольчиком посмеивалась Полина и вспомнила: — Ой, да я же картофельники принесла, утром делала как раз для тебя к чаю!

— Поинка! — громко застонала Алина. — Ты что вытворяешь?! А моя фигура?! А последнее честное слово, данное себе, больше не объедаться и сесть на диету?

— Переживет твоя фигура вместе с диетой, — отмахнулась Полина, доставая из сумки плоский большой контейнер. — К тому же они совсем легкие.

— Да знаю я твои «легкие» штучки! — махнула безнадежно рукой дизайнер. — Вкуснотища страшная, налопаешься так, что потом ни ды-

шать, ни ползать не можешь. И «пока» стройности! — и потянула гостью за локоток в сторону кухни: — Ну, идем скорее твои вкусняшки есть.

Хозяйка принялась накрывать стол, поставив на плиту воду в эмалированной кастрюльке, — Полина не признавала кипятик из электрических чайников, поэтому Алина всегда к приходу Поли кипятила воду только на плите, а потом заваривала пахучий чай с невероятно душистыми травками, которыми снабжала ее Полина, в большом пузатом английском фарфоровом чайнике. Который и приговорила, поставив рядом с плитой, и, не удержавшись, схватила-таки маленький пирожочек, съела и закатила глаза от избытка восторженных чувств и ощущений, но вдруг задумалась, что-то вспомнив, свела брови и требовательно поинтересовалась:

— Так я не поняла, что ты там начала говорить о каком-то заказчике?

— Ну, мне предложили интересный заказ. Только пока по телефону, — призналась Полина. — Подробности мы еще не обсуждали.

— Поля, — сразу сделавшись строгой, села за стол напротив нее Алина, — я твой основной заказчик, и у нас большой проект.

— Конечно, — улыбнулась ей обезоруживающей улыбкой девушка, — но я все успею в срок, ты же знаешь.

— Знаю! — недовольно кивнула Алина. — И что ночами спать практически не будешь, ра-

ботая до глюков перед глазами и временной слепоты, и вкалывать без выходных и передыху. Тебе зачем это надо? Вот закончим проект, и бери сколько хочешь заказов!

— Ну так, — замылась неопределенно Полина, — и фурнитура, и материалы все закончились почти... Есть и еще кое-что...

— Что? — Хозяйка участливо положила руку на ее ладошку, придвинулась ближе и заглянула в лицо: — Снова мама?

— И это тоже, — усмехнулась невесело девушка.

— Что на этот раз? — сочувственно поинтересовалась Алина.

Ответить Поля не успела, что сильно ее порадовало, — неприятный разговор как нельзя вовремя перебил звонок в дверь.

— О! — поднялась со стула Алина. — Еще один творец пришел. Гость жданный и желанный.

— Я, конечно, не вовремя, — забеспокоилась гостя. — Давай в комнате тихонечко посижу, поработаю, а может, пойду погуляю, пока ты занята?

— Не хватало еще этого! — отмахнулась хозяйка. — Во-первых, он тоже с нами по этому проекту работает, а во-вторых, давно хотела вас познакомить, да как-то все не получалось.

— Зачем знакомить? — настороженно спросила Поля.

— Так надо, — рассмеялась Алина и вышла из кухни.

Поля легонько вздохнула, встала и принялась хозяйничать — раскладывать маленькие пирожочки картофельников на большое блюдо, уже приготовленное и выставленное для этой цели хозяйкой на столешницу.

За четыре года их сотрудничества Полина не просто прониклась глубочайшим восхищением силой и мощью таланта художника и дизайнера, она по-настоящему уважала и любила Алину, которая стала ей почти подругой. Во всяком случае, отношения у них сложились теплые и дружеские, при этом Поля всегда четко помнила о том, что Алина является ее самым крупным заказчиком и самым главным плательщиком. Увы, но данный факт не мог служить поводом для совсем уж тесного дружеского сближения.

Полине невероятно нравилось все, что делала Алина, — ее потрясающие проекты, придумки, идеи. Перед тем как сдать заказчикам работу, дизайнер устраивала для Полины экскурсию по объекту, чтобы она могла увидеть картину целиком, вместе с работами, которые сама сделала для этого проекта. И каждый раз девушка поражалась до глубины души тому, как и что получилось, и дивилась невероятно — ну как это можно было все держать в голове в полном объеме и законченном виде со всеми деталями, детальками, штучками и декором!

Она часто вспоминала, как они с Алиной встретились.

Зарабатывать деньги Полина Юдина начала еще подростком. Первые честные трудовые денежки она получила в четырнадцать лет, выполнив заказ для бабушкиной знакомой. Бабуля к тому времени стала плоховато видеть, но самое главное — потеряла интерес к вязанию: да надоело ей, и все! всю жизнь рукодельничала и в удовольствие, и для семьи, и для неплохого приработка, но сколько же можно. Ну вот надоело! А внучку многому обучила, передала секреты и знания, да та оказалась похлеще и куда талантливее бабушки в этом деле — вязала, как из пулемета строчила, — быстрехонько да легохонько. И любой узор у нее сразу получался, да так гладко выходил, словно не руками, а на машинке вязали, загляденье.

А тут пристала как-то одна давняя знакомая к Анне Викторовне по старой памяти: свяжи, мол, да свяжи юбку для моей невестки, хочу ей на день рождения такой подарок преподнести; знаю, какие великолепные вещи ты делаешь, а невестка у меня фасонистая, любит красиво одеваться. Бабушка отмахивалась, а однажды от назойливости чужой возьми да скажи: вон Полина свяжет, только заплатишь ей сполна. Женщина и согласилась.

Юбка вышла шикарная! Просто отпад! К тому же как раз во всех известных домах мод в этом

сезоне оказались самым писксом моды, главным трендом вязанные вручную изделия.

Заказы от знакомых и коллег той невестки посыпались на девочку сплошным потоком. Папа этот поток притормозил так по-серьезному, напомнив и Полине, и заказчицам, что ребенку вообще-то учиться надо, у нее впереди выпускные классы, но и запрещать строго не стал. Сказал: если очень хочешь, вяжи, конечно, но рассчитай правильно свои силы и каждодневную занятость, не забывая и про отдых. А ей вязание как раз и в радость, и в отдых было.

Вот так, с той «невесткиной» юбки, все и началось.

Всегда находились заказчики. Полинины работы продавались, где бы и как бы она их ни представляла и ни выставляла. Но помог действительно серьезному продвижению, рывку, можно сказать, случай, основанный на бабушкиной былой славе известной вязальщицы.

Большой интересный заказ пришел от внука некогда близкой подруги Анны Викторовны, почти олигарха. Может, и не олигарха, но, во всяком случае, внучок вырос и стал весьма обеспеченным человеком и, что самое важное, с нежностью вспоминал свои детские вещички, которые вязала для него подруга бабушки по заказу его родителей. Вот, видимо, счастливое детство в удобных, уютных и стильных вещичках и напомнило о себе, когда у него самого родил-

ся ребенок. Хочу исключительно индивидуальные вещи для сынка, решил дядька и обратился к бабушке. И докатилось это пожелание по цепочке до Полины.

Ну вот, а жена этого почти олигарха оказалась не просто моделькой какой с амбициями, а женщиной умной, искусствоведом по образованию и с большими знакомствами. И ей так понравились вещички, изготовленные Полиной, что она мало того что купила большую их часть, помимо, разумеется, детских вещичек ее сынишки, но и настояла на том, чтобы Поля поучаствовала в престижной художественной выставке, и сама договорилась с директором известного салона о том, что Полинины работы станут выставлять и продавать там.

Как говорится, большое вам за это творческое мерси!

Да потому что именно с этого момента Поля стала зарабатывать действительно серьезные деньги, и с каждым годом все больше и больше. Правда, пришлось несколько лет, пока олигарх с женой-искусствоведом не уехали жить в Англию, обвязывать всю семью этой благодетельницы и отдавать почти за бесценок свои художественные изделия — закон-то мышеловки никто не отменял, как и законы богатых людей, обожающих наживаться на менее богатых. Но и бог с ними, Полину это нисколько не задевало.

Вот именно в этом художественном салоне и увидела Алина ее работы — две картины, вышитые крестом шелковыми нитями, вязанную крючком круглую скатерть и вязанный шелком букет роз. Она купила все сразу, совершенно обалдев от этих вещей, и выудила каким-то невероятным образом из директора салона координаты Полины — каким, не признается до сих пор. Хоть пытай.

Директор-то одного из известных салонов, разумеется, мужик тертый и прекрасно понимал, что может потерять художника, произведения которого никогда не залеживались и продавались как горячие пирожки. Даже образовалась некая группа покупателей, которые ждали новых поступлений — именно Полиных изделий и всегда их разбирали. Била Алина его, что ли, там, раз он раскололся?

Почему-то Полина очень четко, в деталях запомнила первую встречу с Алиной. Прежде чем отправиться на это деловое randevu, она прочитала о дизайнере Глаумовой все, что смогла найти в Интернете и в специальных журналах, и сильно впечатлилась, даже сомневалась, какое у них может получиться сотрудничество: Глаумова — это имя, она даже в Европе интерьеры делала, хотя там своих дизайнеров завались, а вот поди ж ты, приглашала. А на родине так и во все с такими клиентами работает, что ой-ей-ей! И что Полина? Студентка двадцати лет, ну здоро-

во вяжет-вышивает. А потом подумала: вообще-то это знаменитая Алина Глаумова меня разыскивала и настаивала на встрече, значит, чего-то стою! Помедитировала так немножко, взбодрилась и пошла!

И зря она трепыхалась душевно!

Они договорились встретиться в известной кофейне и отчего-то сразу друг друга узнали, хотя обе в предварительном телефонном разговоре забыли описать, как выглядят.

— Я Алина, — представилась женщина, сразу же безошибочно подойдя от входной двери к столику, за которым сидела Поля.

На женщину Полина засмотрелась — возраст не определить, лишь мудрые глаза выдают, что около сорока где-то. Энергичная, решительная, стремительная, невысокая и плотненькая, но полнота ей необычайно шла, совсем короткая стрижка, незаметный макияж, интересные большие серьги, явно авторской работы, колье на шее и кольца на пальцах в одной стилистике с серьгами и необыкновенный, яркий, но в то же время элегантный наряд.

Она Полину просто поразила! Очаровала и ошеломила напором.

Эта смелость наряда, кипучая энергия, удивительные темно-карие веселые глаза, улыбка и исходящая от нее мягкая деловитость.

— Поленька, — женщина приступила к делу, как только села за стол и сделала заказ тут же

подошедшей официантке, — я хочу предложить вам сотрудничество, надеюсь, интересное для обеих. Но для начала спрошу: как вы делаете эти вышитые картины? Я такой технологии и такой ювелирной тонкости работы никогда не видела. А я видела, поверьте мне, многое.

— Это действительно особая, уникальная техника. Меня научила бабушка, а ей мастерство перешло от ее бабушки, которую обучила некая известная французская вышивальщица, — пояснила Полина и задорно улыбнулась. — Правда, этот факт в нашей семье стал почти легендой и оброс всяческими невероятными подробностями.

— Полина, у вас совершенно невероятная улыбка! — ошарашила прямым восхищением дизайнер.

— Да, мне говорили, — рассмеялась Поля.

— Извините, если обескуражила, со мной такое бывает, — усмехнулась в ответ женщина. — Ну так что там дальше про вышивку?

— Это очень трудная и кропотливая работа, — продолжила пояснения Поля. — Сначала необходимо найти нужную картинку, ведь такой трафарет никто не производит. Прабабушка моя, например, сама рисовала и переносила на ткань, бабуля перерисовывала контуры, а дальше вышивала по образцу. Ну а я нахожу то, что нравится, и отдаю в специальную студию, где мне распечатывают схему на нужной ткани. Вы, я так

понимаю, купили современную мадонну и девушку с пионом?

— О да! — кивнула Алина. — Повесила на самое видное место и никому не отдам! Они великолепны.

— Спасибо, — улыбнулась похвале Полина. — Так вот, ткань, на которую наносится картина, должна быть тонкой, но плотной, нитки — специальный, очень тонкий шелк, я их во Франции заказываю в одном магазинчике. Иглы тоже особые и очень тонкие. Делать вышивку можно только при дневном свете, на специальных пальцах. При искусственном свете оттенки нитей становятся другими и глаза сильно устают. Вот, пожалуй, и все.

— Да, не считая безумно кропотливой работы и усидчивости, — поддержала Алина. — А этот букет роз?

— Тоже шелковые нити, но плотные. Вывязываются отдельные детали очень тонкими спицами, потом стебли крепятся на каркас из толстой проволоки, а сам цветок собирается лист к листку. Это намного проще, чем вышивка.

— Ну да, — скептически заметила дизайнер и спросила: — А что вы еще делаете?

— Я вам покажу, — полезла в сумочку Полина, — специально взяла небольшой каталог своих работ.

— Я так понимаю, что есть еще и большой

каталог? — уточнила Алина, принимая от Поли альбом с фотографиями.

— Есть, но он дома.

— Поля, вы занимаетесь только рукоделием или еще чем-то? — расспрашивала Алина, рассматривая фотографии.

— Учусь на третьем курсе Университета дизайна и технологий на факультете «Прикладное искусство и народные промыслы».

— Умница! — энергично похвалила Алина, решительно захлопнула альбом и заявила: — Поехали!

— Куда? — обескураженно поинтересовалась Полина.

— К вам домой. Покажете мне все каталоги, все свои работы, и я расскажу вам, что нас с вами ждет впереди.

— Что? — рассмеялась колокольчиком Полина.

— Интересная, насыщенная жизнь и большие дела!

Работа с Алиной оказалась и на самом деле интересной и очень насыщенной творчеством, познанием нового.

Надо повториться, что дизайнером Алина Глаумова была не рядовым, а известным и занималась оформлением загородных домов, вилл и участков весьма обеспеченных людей. За эти четыре года Полине по ходу работы пришлось с огромной радостью и интересом изучать прикладное искусство и традиции разных народов

и направлений. А потому, что заказчики дизайнера Глаумовой были разные, но все с большими претензиями, прилагавшимися к большим возможностям и деньгам, одни хотели хай-тек, другие стиль прованс, третьи арабский стиль с повторением гаремных помещений, четвертые русский боярский уклад, ну, сами понимаете.

Для одного клиента Алина воспроизводила стиль английской загородной усадьбы. Причем мужик совершенно маргинального вида средне-русской полосы, а поди ж ты, Англия ему понадобилась, наверное, Конан Дойла начитался сверх меры. Это так Алина выразилась, а Полине он показался нормальным дядькой, ну, с заморочками, а кто без них.

Алина с Полиной несколько раз в Англию ездили за счет заказчика и мебель там подбирали антикварную и фурнитуру разную, и чего только оттуда не навозили. Ну, и пледы Поля вязала, делала вышивку на многочисленных наволочках и пододеяльниках. И самое кропотливое — на чем только можно: вензеля и монограммы семейства.

И ей было так интересно, что хотелось все время узнавать еще и еще про Англию, про уклад жизни, традиции. Девушка находила в Интернете и на дисках записи лекций по культуре и традициям этой страны и слушала часами, пока работала. И так каждый раз!

Полина испытывала такую сильную жажду

познавать что-то новое, окунаться в историю рукотворных вещей разных стран, что за эти годы выработала уже ряд привычек — как только Алина звала ее в новый заказ, она сразу же начинала глубокое изучение того стиля, в котором они собирались работать. И каждый раз погружалась туда, словно ухала с головой!

Университет за это время Поля окончила, два года назад, и не заметила даже как — вся находилась в работе, а экзамены сдавала, как песню пела, — легко и радостно. Красный диплом не получила из-за двух четверок, которые схлопотала по профильным предметам на втором курсе. Да и бог с ним, с красным. Хотя преподаватели предлагали пересдать. А зачем? Она и в институт-то особо не рвалась, ей в семнадцать лет казалось, она уже знает и умеет все, что ей надо в этой жизни, и деньги зарабатывает побольше родителей. На фига тогда эта учеба? Но мудрая бабушка Анна Викторовна настояла с помощью смеси легкой тирании, уговоров и намеков на свои нервы, которые нельзя терять.

И, как всегда, оказалась права!

А потому что выяснилось: любительское рукоделие — дело, никто не спорит, хорошее, но если ты просто тупо вяжешь и вышиваешь и не знаешь технологии материалов, их сочетаемости и свойств, не знаешь истории и новшеств того, чем занимаешься, не знаешь, как можно сочетать и варьировать технологии, какие существ-

вуют новейшие достижения и материалы, не освоишь рисунок и композицию, дизайн и еще многое, необходимое действительно серьезно-му специалисту, — то так и останешься навсегда кофточки с пледиками вязать и продавать их за копейки.

За эти четыре года работы с Алиной Полина, считай, что еще один университет окончила, так каждый раз приходилось ей погружаться в историю других государств, в их искусство и промыслы. И объездить много стран, познавая их культуру, облазить невероятное количество блошиных рынков, магазинчиков, музеев и выставок.

Интересно! До щенячьего восторга!

Вот и сейчас у них новый проект, очень объемный, именно для Полины — средиземноморский! Кра-со-та!!

Люди хотят настоящего солнечного тепла, много света, много текстиля, вышивки, вязаний, даже плетение циновок будет! Так что ждет поездочка по Средиземноморью. Уже все продумано, куплено множество книг по укладу жизни в этом регионе, и лекции скачаны, и даже два диска документальных фильмов приобретены.

Ура! Работа! Какое счастье!

Поля улыбалась, думая об этом и немного предавшись воспоминаниям, чуть прислушиваясь к голосам, доносившимся из прихожей. Поставила в центр стола блюдо с угощением — сегодня рано утром встала и специально напекла

для Алины. Ей всегда хотелось ее угостить, побаловать, настолько благодарным и преданным ценителем она была.

Алина обожала кулинарию Полины, всегда искренне восхищалась даже незамысловатой стряпне, поражаясь, как такое вообще можно сотворить. И каждый раз вспоминала, что пора на диету и не есть после скольких-то там, и вообще «где моя фигура», но все это были привычные стенания, не имеющие ничего общего с реальной жизнью, в которой Алина с удовольствием баловала себя вкусняшками, а уж Полининими и подавно!

Вода в милой эмалированной кастрюльке почти закипела, и Полина поспешила снять — травки эти лучше не заваривать крутым кипятком, они многое теряют, нужно укутать ненадолго и дать потомиться, чем девушка и принялась заниматься. Обдала изнутри горячей водой чайник, выплеснула в раковину, насыпала смесь, залила и надела сверху «чайную бабу», которую сама и сделала для Алины года три назад, — симпатичную, веселую куклу, очень похожую на хозяйку квартиры. Даже прически у них были одинаковые — коротенькие стрижки жестких непослушных волос.

И повернулась к двери, краем глаза уловив там какое-то движение.

Незнакомый мужчина остановился на пороге, и с Полиной что-то случилось! Какая-то непости-

жимая тайна произошла с ней в этот момент — она смотрела на него, и казалось, что все вокруг провалилось куда-то. Было непонятно, почему Поля не может оторвать от него взгляда и откуда она его знает...

«О господи! — прошептал кто-то в ее голове и повторил, как молитву: — О господи!»

Еще двигаясь по коридору в кухню, Клим увидел девушку, стоявшую у столешницы, и сразу понял, что это та самая незнакомка, так понравившаяся ему со спины. И он заранее улыбнулся, радуясь такой неожиданной удаче и возможности все-таки узнать, как она выглядит в лицо и в полном комплекте, так сказать.

Клим шагнул в кухню, девушка повернулась... И что-то случилось с ним.

Каким-то непостижимым образом все вокруг исчезло, и он видел только эту девушку, ее распахнувшиеся от удивления выразительные серые глаза, лицо, скорее образ, а не конкретные черты... Смотрел на нее и не мог пошевелиться.

«Замечательная, — подумал он, чувствуя, как внутри растекается незнакомое нежное тепло. — Я знал, что замечательная».

Они стояли и смотрели, смотрели друг на друга очень долго, бесконечность...

— Знакомьтесь! — вышла из-за спины мужчины и весело сказала Алина.

...А оказалось, прошли мгновения. Мир вернулся на место.

— Это Полина Юдина, наша прекрасная рукодельница, — указала хозяйка рукой на девушку и перевела ладошку на мужчину, — а это Клим Иванович Ставров, лучший в мире кузнец.

— Здравствуйте, — пролепетала Полина, улыбнулась и отвернулась к плите, не зная, куда деться от навалившегося смущения. — Я чай заварила.

— О! — порадовалась ничего не заметившая Алина. — Замечательно! Сейчас чай с пирожками пить будем! — Потом, резким движением сложив ладошки на груди, повернулась к мужчине и, закатив от восторга глазки, принялась нахваливать: — Клим, ты не представляешь, как она готовит! За Полину еду можно сто раз Родину продать! А за рыбник, который она делает, и просто умереть! От счастья! Я не шучу!

— По-моему, ты преувеличиваешь, — совсем засмущалась девушка.

— И вот нисколечко! Наоборот, словами передать вкусноту твоих шедевров невозможно! А вот лишиться разума от кайфа — вполне! — настаивала хозяйка.

А Клим улыбался, слушая Алину, и разглядывал девушку. Не очень высокая, нормально-среднего роста, и фасад у нее оказался высший класс! Белая футболка с интересной вышивкой спереди обтягивала торс, демонстрируя во всей красе прекрасную грудь достойного размера, тонкую талию и высокую стройную шей-

ку. Личико классического овала, красивые брови дугами, удивительные большие серые глаза, милый, немного вдернутый носик, полные губки и... обалденные ямочки на щечках, когда она улыбается, делавшие ее и задорной, и невероятно притягательной.

А еще, совсем уж позабытое, — настоящий румянец! Девушка смутилась, и от этого ее румянец из нежно-розового налился алым. И при этом она не переставала улыбаться.

«Какая девушка!» — все с тем же, затухающим уже понемногу нежным теплом внутри подумалось ему.

— Так! Давайте пить чай! — тем временем руководила Алина. Она на удивление споро сервировала стол тарелочками, чашками с блюдцами, выставив еще и вазочки с каким-то вареньем. — Тоже Поля готовила, — по ходу оповестила Клима хозяйка и настойчиво потребовала: — Да ты уже попробуй пирожок!

Клим неспешно сел на указанный стул, устроился за столом, подождал, пока Алина нальет ему чаю из большого английского чайника, положил себе на тарелочку два маленьких пирожочка...

— Их надо целиком класть в рот и раскусывать только там, — наблюдая за его действиями, подсказала Алина.

Клим последовал совету знающего человека, положил пирожок в рот и надкусил, даже ско-

рее раздавил, таким нежным он оказался. И во рту случилась революция вкуса! Сначала взорвались какие-то кисло-сладкие маленькие шарики, и тут же эта субстанция перемешалась с удивительным нежнейшим картофельным пюре с непонятными, но очень классными вкусовыми оттенками. И вместе получилась ну просто бомба обалденного, невероятного вкуса!

— Очень вкусно, — проглотив и запив травяным настоем, сказал наконец Клим и улыбнулся, заметив, как смотрят на него обе женщины в ожидании оценки.

— Просто «очень вкусно»? — возмутилась всем своим видом Алина.

— Не просто «очень», ты права, — согласился Клим, — необыкновенно. Я такого в жизни не пробовал.

— Вот! — довольно кивнула Алина. — Удивительно и вообще полный отпад!

— Согласен, — поддержал с улыбкой мужчина и посмотрел на Полину: — А что там внутри, я не понял?

— Я тебе расскажу! — вместо Полины вмешалась хозяйка. — А то она себя хвалить не умеет. Значит, так, знаешь, что такое зразы?

— Такие картофельные пирожки с начинкой, — припомнил он.

— Да, они. Так тут начинка из моченой брусники с медом, в том смысле, что Поля бруснику засолила по какому-то старинному рецепту, по-

том добавила туда меда, а тесто сделала из картофеля с какими-то приправами и секретами, которые знает только она.

— Нет там никаких секретов, — рассмеялась девушка.

А Клим поплыл. Мало того что у нее все уже отмеченное и оцененное им ранее — и фигурка, и стать, и эти глаза колдовские, и ямочки на щеках очаровательные до не знаю чего, и румянец, так ее красивший. Он заметил и то, что девушка почти все время улыбается потрясающе обаятельной улыбкой, но когда она засмеялась... Смех у нее оказался тихим, но таким серебристым, переливчатым, как перезвон колокольчиков. Клим даже приятными щекочущими мурашками пробило по позвоночнику и, разумеется, куда-то в область паха. Ну вот так.

— Есть, есть! — утвердила Алина. — У тебя во всем, что ты делаешь, секретика, тайна, загадка. Какой я кулинар, ты знаешь, — с большим скепсисом на слове «кулинар» произнесла Алина. — Поэтому для меня этот вид деятельности вообще сплошная магия. А уж твои шедевры!

— Все, все! — махнув на хозяйку двумя руками, поднялась из-за стола Полина. — Ты меня совсем засмущала. Пойду поработаю немножко, не буду вам мешать.

— Нет, нет, — взяла ее за руку Алина. — Остайся. Во-первых, ты нам не можешь мешать, над одним работаем, а во-вторых, еще раз